

стики отвечают: святое писание имеет силу, доколь оно преподается папоу, следовательно, противопоставлять святое писание папе безрассудно. На вопрос, имеет ли право церковь противодействовать несправедливостям папы, схоластики отвечают: нет, церковь может воссылать молитвы об его исправлении, но должна смиряться перед ним. Одним словом, то, на чем основывается христианство, истина евангельская, зависело от случайного приговора римского епископа, и сообразно с этим в университетах Европы преподавание имело особый характер: профессора богословия объясняли своим слушателям не вечные памятники христианства, не священные книги, не творения святых отцов, а комментарии схоластиков. Были доктора богословия, которые никогда не читали бблию, да и изучение Священного писания не считалось необходимою: достаточно было изучить труды известного схоластика. Преподавание философии заключалось также в объяснении некоторых сочинений Аристотеля, плохо понятых и плохо переведенных. Только в некоторых университетах читалось римское право, к которому по самому свойству этого предмета примыкали философия и история. Науки естественные не входили в состав преподавания» (ГБЛ, ф. 178, 3598, XXV, л. 166—169).

⁴ Грановский, как известно, неоднократно читал лекции своим друзьям, в домашнем кругу. Вспоминая о лекции, прочитанной в доме А. И. Герцена, Т. П. Пассек писала, что Грановский, «не стесненный ни ценсурой, ни публикой, читал полно, живо и до того увлекательно, что присутствующие превращались в слух и наслаждение» (Русская старина, 1877, т. 19, № 1/4, с. 456). Сохранился отрывок письма неустановленного лица с записью такой лекции об Эуригене Скоте к Е. К. Станкевич. В записи читаем: «[Эуригена] есть отец независимой европейской науки. Он стоит на пороге ее лицом к лицу к двум мирам... Предание говорит, что он был убит в монастыре иступленными монахами. Это предание весьма веско; оно показывает, в каком отношении [Эуригена] находился к церкви. И в этот век, век грубой силы и отваги, не было человека более отважного и смелого, как [Эуригена]. Он вступил в бой не с норманнами, но с другими, более страшными силами; одинокий ратник «мысли, пустынный сеятель, который лишен был даже надежды видеть всход посеянного, высказывал мысль, неприступную для того времени. И западная церковь гремела три столетия проклятиями, и против него гремели обвинения в пантеизме, в ереси, обвинения, которые так легки людям, не знакомым со страданиями, со сколькими путями мысли. Но в наше время, когда для умов твердых и самобытных наука перестала быть чем-то коварным и вредным, когда христианство понимается иначе, нежели в тот грубый век, настала пора справедливости, и она оценила [Эуригену], и мы благословим брата, павшего в борьбе за великую мысль. Настал час в наше время на оклеветанных, на опозоренных гробницах обширного кладбища историк написать слова любви» (ГБЛ, ф. 84, 2, 57).

⁵ В лекциях 1845/46 г. Грановский, характеризуя Абельяра, говорил: «Петр Абельард отказался от права первородства, от войны в надежде, как говорил он, прославиться на подвиге мысли. Он испытал много гонений; вряд ли кто испытал столько, как Абельард. Отличительная черта поколения, которое окружало этих новых наставников,— это страстная любознательность, удивительная смелость. Около них собирались не одни юноши, около них собирались люди пожилые со всех стран Европы. Распространение французского языка в высших классах в этом периоде в Англии, Франции и Сицилии много способствовало этому. В наше время можно обойтись и без наставников. У нас много учебников. В XI, XII ст. не было ни словарей, ни грамматик. Нужно было первые начала знания приобретать от другого. Десятки тысяч слушателей стекались к Вильгельму из Шампо. Общее внимание обратил на себя Абельард возражением, которое он сделал Вильгельму. Эти возражения до того были дерзки и едки, что Вильгельм должен был бросить школу. Он открыл другую школу, но имел менее слушателей. Несколько времени Абельард учился в [Париже], потом отправился в Лаон, где он пользовался учением Ансельма. Чрез короткое время и здесь возникли те же отношения, как и в Париже. Силою полемики своей он показал всю слабость учения